

Под сенью развесистой клюквы

□ □ □

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ.

□ □ □

В американском журнале «Лайф» появилась статья мистера Фишера, журналиста, члена миссии ЮНРРА на Украине. Для нас статья эта интересна с единственной точки зрения — как образец того, чем озабочены круги кормят рядовых американских обывателей.

Мистер Джон Фишер знает обо всем. Сидя за своим письменным столом в Киеве, он смог все увидеть, все заметить, все понять. Он, колеблясь, изрекает суждения, не колеблясь, делает обобщения. Он уверен в себе. Мистер Джон Фишер пришел из далекой культурной Америки с «вагнеровской» страной большевиков и со снисходительной улыбкой присматривается к украинцам, рисует их обычаи, их историю, их характер. Некогда Бостомаров по святости десяти лет собирая материал и исследование, чтобы затем дать характеристику украинцев, но сделал он это гораздо менее уверенно, гораздо менее беспристрастно, нежели мистер Фишер.

Мистеру Джону Фишеру не понравился десятки лет. Ему хватило пятидесяти двух лет, большую часть которых он, как утверждают его же коллеги из ЮНРРА, провел за письменным столом в бюро ЮНРРА в Киеве. Но он знает все и говорит обо всем. Мистер Фишер знает, что известная оперетта Кальмана «Сильва» — это «светлая музыкальная комедия», где выражены взгляды советских людей на мир и жизнь. Мистер Фишер знает, что большинство женщин-миллионеров в Киеве блондинки, а махорка — «вещество, похожее на неочищенный табак». Мистер Фишер заметил, что излюбленный родной убор украинцев — «большая казанская папаша», что советские люди страдают желудочно-кишечными заболеваниями, однако часто простуживаются, что закон запрещает у нас пьянство, что украинцы полагают, что они умеют пить, пить, есть и ездить верхом лучше, нежели кто-либо в мире, что «американцы», которые мы до сих пор считали местом, где в шепотке заказывают шпатель, чинят и гладируют одежду, являются «институтами красоты», заметил и другие подобные вещи — настоящий винегрет из всякой всячины. Одним словом — типичная «развесистая клюква».

Но пусть было бы только это, — мы могли бы только посмеяться над мистером Фишером и отнести его статью к сборнику анекдотов, которые полны недостаточной образованности и неадекватно культурные люди, когда им приходится высказывать чужие страны. Но вопреки мистеру Фишеру отнюдь не так невзвешен и беззуб, как это кажется с первого взгляда. В роли якобы наивных замечаний мистер Фишер исподтишка подбавляет хороших знакомых нам и ненависти к Советскому Союзу. Пусть бы себе росла, пела, шумела ветвями «развесистая клюква». Но под сенью скрываются действительные тенденции и действительные намерения мистера Фишера. Повидимому, ему неудобно атаковать прямо, поэтому он надевает маску слышавшей речевки, чтобы легче было нанести поклан и очернить. Очевидно, он считает таким образом легче приобрести доверие читателя, вынужденного пользоваться его информацией.

Мистер Фишер хочет показать свою эрудицию и, не ограничиваясь изложением того, что он видит или, скорее, чего не видит, углубляется в историю. Он объясняет американцам, откуда взялись украинцы. Их земля, оказывается, «была равниной, за которой находили убежище беженцы, крепостные и другие темные элементы». Интересно, откуда этот аристократизм, дающий право мистеру Фишеру отдаленно эпитетом «темные элементы» от большой исторической и социальной проблемы, от того, что обильно полотно кровью? Мистер Фишер не развивает дальше свою мысль и с характерной ему легкостью сразу переходит к форме шпатель, которые носят на Украине. Ядовитые словечки о «темных элементах», от которых якобы ведет свое начало украинская история, остаются безмолвными как бы мимоходом. Это лишь такое себе маленькое зернышко, из которого в мозгах и в сердцах читателей жужжала «Лайф» долгие годы желанный для мистера Фишера плод.

Характер украинца? Конечно, мистер Фишер знает его наизусть. По его мнению, украинцы — это «русские телятцы». У нас не столько аплодировать, как у мистера Фишера, чтобы высказывать мнение о телятцах. Развивая далее свое сравнение, мистер Фишер делает следующие выводы: украинцы лишены сочувствия к людям, их предками являются «темные элементы», они хорошо едят верхом, мужики в них лопки, их женщины хороши лицом. Вот вам и все, характеристика народа в трех словах. Покончив с ней, мистер Фишер переходит к современности, оставляя историю в стороне. Украина не является самостоятельной и полноправной республикой, — повествует мистер Фишер. Откуда этот вывод? Очень простая вещь: на Украине, как и в других частях Советского Союза, действует контроль аппарата коммунистической партии. Вас это удивляет? Не удивляйтесь: мистер Фишер считает коммунистическую партию особенностью исключительно русской: он никак не может понять и даже не пробует задуматься над тем, чем является, какую роль играет партия в истории и жизни всех народов Советского Союза. Он и знает не хочет о том, что она была и есть твердь Советского Союза, знаменосец прогресса, руководитель в дни строительства, вожь в дни борьбы, воспитатель, источник силы и порыв, общее достижение и общее благо советских людей, независимо от их национальной принадлежности.

Мистер Фишер, казалось бы, должен знать, какой вклад внесла Украина в борьбу с фашизмом. Он и сам пишет о продолжительной оккупации, о борьбе, которую вел весь народ, об огромном проценте украинцев в рядах Советской Армии.

Легко разделившись с участием Украины в войне, автор переходит к мирному труду. Начинает с Днепростроя. Он якобы, был там. А что он видел? Прежде всего, старую колхозницу, которая ходила по строительству с тяжелой доской подмышкой, не зная, что с ней делать. Этой старой женщине посвятил мистер Фишер большую часть времени, проведенного на гигантском строительстве, или, по крайней мере, большую часть места, посвященного Днепрострою в статье. Мы подробно узнаем, как она шла, как шатавалась на узких подмостках, как поворачивалась, как, наконец, положила эту несчастную доску, приковывавшую взор и внимание мистера Фишера, в неподходящем месте. Каким образом при помощи этой доски он объяснит своим читателям откуда из горсточек разбитых балок и руин возник Днепрострой, который, по его же словам, в 1948 г. даст электроэнергию больше, нежели до войны, — это уже другое дело. Этому он не пробует объяснять.

Заметил ли он еще что-нибудь, кроме колхозницы с доской? Да, внимательный взгляд его заметил «тысячи женщин, руководящих слепым чувством направлением, лазающих по кучам руины». Естественно, ему было невыгодно заметить энтузиазм, сознательный, самоотверженный, напряженный труд наших женщин, которые кажутся мистеру Фишеру какими-то бессмысленным стадам, «руководящим слепым чувством направлением». Невыгодно было заметить героизм советского человека, — и поэтому лучше было бы вообще не объяснять американцам, каким образом вырастает Днепрострой. Ибо нельзя же объяснить возрождение Днепростроя тем обстоятельством, за которое пытается ухватиться автор. Он встретился на строительстве с советским инженером, который... учился в Америке. Здесь проявляется страшное самонепонимание — тысячи советских людей ничего не могли бы сделать, если бы не американское образование одного инженера. Как из мешанины железной стелы и образованности одного человека выросли из руин плотина, гурбины, машины, одно из величайших технических достижений не только СССР, — остается тайной мистера Фишера. Ибо мы все, согласно его любезной оценке, вообще не умеем работать. Советские агрономы «хотя и достаточно компетентные в других отраслях, все еще не научились, разрабатывать вопросы, касающиеся их профессии». Автору статьи, видно, не удалось услышать на Украине ни о Днепрко, ни о Гринко, ни об институтах сельского хозяйства, о трудах десятков академиков и агрономов, внесших в науку колоссальный вклад, сделавших открытия, направивших науку о земле и ее обработке на новые пути, изменившие лицо наших полей и характер сельского хозяйства. Он легко стаскивает агрономов туда же, куда раньше помещали строителей Днепростроя и тысячи наших людей, на субботниках и воскресниках восстанавливавшихся родные города, но которые, по мнению мистера Фишера, «делают слишком частые перерывы в работе для чаепития».

Даже там, где мистер Фишер не может удержаться от похвалы, он тотчас же старается ослабить ее. Мистер Фишер летал самолетом. И он не может, как видно, преодолеть восторг от мастерства наших летчиков: они умеют посадить самолет из холмистой, неровной местности, на засыпанном снегом поле «плавно, словно падающий с дерева лист». Но тотчас же добавляется, что такой отзыв может вызвать в американском читателе симпатию к нашей авиации, и поэтому торопливо топчет одно похвальное предложение в десяти других, уже не такого сорта. Он жалуется, что в самолете нет таблички, «не курить», что багаж не прикрепляется ремнями, что самолет внутри не был благоустроен и т. д. и т. д. И хотя он сам признает, что ни разу не обнаружил ни одного дефекта в самолете, однако, считает все же уместным вставить «философские» размышления об азартном и неадекватном отношении к человеческой жизни. Наше отношение, бесспорно, азартное. Почему — мистер Фишер не объясняет, хотя, по всей вероятности, наши самолеты ни разу не подверглись опасности его драгоценную особу.

Но не Днепрострой, и не самолеты, и не труд агрономов больше всего заинтересовали мистера Джона Фишера. Больше всего места — пелых два раздела — он посвящает в своей статье... волке. И мистер Фишер разочарован: разочарован тем, что не видел у нас пьянства, которое, согласно его точнейшей информации, в нашей стране строго воспрещено. Он разочарован тем, что волка, оказалось, недостаточно крепка. В доказательство этого он приводит тот факт, что на следующий день после банкета «советские официальные лица выходили на работу совершенно трезвыми». Повидимому, пониманию мистера Фишера недоступно, как можно не напиться до бесчувствия, имея доступ к алкоголю и отсюда, вероятно, его меланхолические сожаления, что он не напился в Киеве ничего «похожего на американский дом развлечений либо английский трактир». Отсюда его вывод, что у нас «нет места, где можно было бы свободно повеселиться». Можно себе представить, о каком «свободном веселье» идет здесь речь. Ибо о клубах, которые он заметил «почти во всех колхозах и на фабриках», мистер

Фишер, тоскующий о «весельи», пишет; как о местах, созданных правительством для того, чтобы «граждане, сидя вокруг стола, вполголоса разговаривали о партии». Это не мешает ему небрежно добавить, что в этих клубах можно читать, играть в шахматы, шашки, слушать беседы, ставить и смотреть спектакли. Причем интересная формулировка: читать могут здесь «более развитые». Мы не знаем, насколько развит сам мистер Фишер, но у нас читают все. Жаль, что мистер Фишер, повидимому, слишком занятый поисками волки, не заметил, что в стране, которая тридцать лет назад стояла на одном из первых мест по проценту неграмотных, сейчас нет неграмотных, и чтение здесь никак не относится к специальным признакам «развития».

В поисках развлечения мистер Фишер попал и в театр. Сквозь зубы он хвалит «прекрасные спектакли». Но сразу же прибавляет, что в театр «обыкновенный гражданин» не может попасть. Кто же там бывает? Офицеры, чиновники, рабочие, — отвечает мистер Фишер. Для нас остается загадкой, кого же, в таком случае, из жителей города называет наш турист «обыкновенными гражданами»? Не говорим уже о том, что он не заметил колхозников, которые приезжают в Киев на спектакли.

Но «прекрасные спектакли» не удовлетворяют мистера Фишера. Все это не то, не то... Душа разочарованного Джона тоскует по месту, где можно было бы спокойно выпить до бесчувствия. Он подходит к уличному киоску и долго и старательно высчитывает, сколько и за сколько может выпить киевлянин, принимая во внимание цены на водку и заработки. Причем и цены и заработки он весьма произвольно переводит на доллары — и снова соболезнующее воздыхание. Не то не то — негде выпить как следует.

Мистер Фишер, вообще, жаждет веселья. Он возмущен, что радио «прерывает свою музыкальную программу скучной беседой о пятилетнем плане». Мы подозреваем, что эта беседа не столь скучна, сколь неприятна для мистера Фишера. Наверное, он предпочел бы, чтобы мы, вместо того, чтобы говорить о пятилетнем плане, пьянствовали или свободно веселились в тонах развлечений. Это было бы для него выгоднее. Для него и ему подобных.

Эту ссезь слез, клеветы, нелепостей, наблюдений сплошь замочную скважину, обобщений зазнайка и плоских остроумных статей заканчивает еще одним вырванным из пальца сообщением: «ежедневно утром, в шесть часов, киевское радио будит жителей мелодией «Интернационала». Это странное сообщение, свидетельствующее в лучшем случае об отсутствии слуха, было необходимо для того, чтобы преподнести еще одну третьесортную остроту, такую же плоскую, как и все иные остроты этого исследователя Украины.

Такой в общих чертах вид имеет «труд» мистера Фишера.

В Америке он, говорят, был рекламщиком, как «единственная правдивая, исчерпывающая, бесцензурная» статья об Украине. Это, повидимому, так воодушевило мистера Фишера, что он взялся писать целую книгу о СССР. Не удержало его и то, что его же коллеги из миссии ЮНРРА на Украине заостерялись против ефобикированной им лжи. Бывший руководитель ЮНРРА Мак Даффи заявил в печати, что книга Фишера «вводит в заблуждение», что вымышленные путешествия изобретательного журналиста ограничивались на деле, преимущественно, прогулками в бюро ЮНРРА в Киеве, что в статье множество извращений и неточностей. С подобными же обвинениями выступил нынешний руководитель ЮНРРА Уайт.

Говорят, однако, что, рассмотревшее выше «произведение» мистера Фишера все же может считать «проговетским» по сравнению с его книгой о Советском Союзе. Естественно, если на десяти страничках можно было вставить относительно ограниченное количество абсурдов, то на ста или двух сотнях страничек поместится их в десять или в двадцать раз больше...

Мак Даффи и Уайт поступили лояльно, но их заявления не смущили мистера Фишера, который уже нашел издателя своего «труда». Как же, деньги не пахнут, как сказал много веков назад французский пезарь, облагая налогом клеветы. Мистер Фишер тоже полагает, что доллар, получаемый за честный труд, не отличается от получаемого за клевету, ложь и сплетни. Быть может, при некоторых обстоятельствах на такого рода «трудах» можно заработать даже больше и с меньшей затратой сил...

Ибо мистер Джон Фишер увидел и размеры водочных ямок, и стакан пива за 8 долларов, и недостаточную самостоятельную, по его мнению, работу Министерством иностранных дел Украины, и сломанный иппеель, продававшийся на рынке. Он не заметил только такой «мелочи» как героический советский народ, который своей кровью спас мир от гибели, и сегодня в поте лица, с тем же героизмом и самоотверженностью восстанавливает из руин свою великую, прекрасную Родину. Не заметил такой «мелочи», как новый человек на новой земле, и большая культура, которую этот новый человек поднял и развил в советские годы. По-видимому, это «мелочи» не наблюдались и пониманию мистера Фишера и ему подобных.

Итак, растет, развивается, шумит ветвями «развесистая клюква» и питаются ее слащаво-кислыми полгнившими плодами павшие американские читатели, представляя себе киевлян в «большинстве казанских папашах», эзотерически мчавшихся на лошади по Брестатуку. А мистер Джон Фишер собирает доллары и высасывает из грязного пальца новые измышления...

(Журнал «Сучасне і майбутнє» № 2).